

ВЛАДИСЛАВ ВОЛКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Волков

**Последний Звонок:
Анатомия Скулшутинга**

«Автор»

2026

Волков В. А.

Последний Звонок: Анатомия Скулшутинга / В. А. Волков —
«Автор», 2026

Керчь. Казань. Пермь. Ижевск. Имена городов, ставшие синонимами ужаса. Но что, если школьный стрелок — не монстр, а финальная точка в цепи проигнорированных сигналов? «Последний звонок» — не расследование катастрофы, а попытка понять механизм скулшутинга. Автор — бывший подросток из «группы риска», ставший психологом, — три года говорил с теми, кого обычно боятся слушать: выжившими, семьями погибших и родственниками стрелков. Это книга без готовых злодеев и без утешительных ответов. Только честная анатомия боли, из которой рождается непоправимое — и хрупкий шанс однажды услышать сигнал раньше, чем прозвенит последний звонок.

© Волков В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владислав Волков

Последний Звонок: Анатомия Скулшутинга

Предисловие

Предисловие: почему вы это читаете

Если вы держите эту книгу в руках — считайте, что случилось маленькое чудо. Не в высоком смысле, а в самом буквальном. Эту рукопись отказывались публиковать так долго и так упорно, что в какой-то момент я сам перестал верить, что она когда-нибудь дойдёт до кого-то, кроме меня и папки на рабочем столе. Одни издательства говорили, что тема «слишком тяжёлая для широкого читателя». Другие предлагали переписать её так, что от смысла не осталось бы почти ничего — оставить страх, убрать анализ, оставить трагедию, убрать причины. Я отказался. Потому что книга, в которой нет причин, — это не книга о скулшутинге. Это просто ещё один пересказ хроники, а хроник об этом и без меня достаточно.

«Так что первое, что я хочу сделать, прежде чем вы прочитаете хоть одну главу», — сказать вам спасибо. Серьёзно. То, что вы сейчас видите эти строки, было для меня почти таким же трудным испытанием, как их написать.

Эта книга родилась не из любопытства к чужому горю. Она родилась из ужаса перед его повторением. Каждый раз, когда в новостной ленте рядом оказывались слова «школа» и «стрельба», у меня внутри что-то обрывалось — и не как у стороннего наблюдателя, качающего головой перед экраном, а как у человека, который смотрит на симптом и понимает, что это не случайность. Это болезнь. Болезнь, которую мы либо не умеем лечить, либо старательно делаем вид, что её не существует. И, что страшнее всего, болезнь, которая начинается за месяцы, а иногда за годы до того, как кто-то берёт в руки оружие — просто мы не приучены смотреть в ту сторону, где она зарождается.

Моё имя вряд ли вам знакомо, так что позвольте представиться. Меня зовут Влад. Я вырос в обычном военном городке, где утро начиналось со звука построения за окном и запаха солярки, а жизнь была устроена так правильно и дисциплинированно, что в этой правильности было что-то тихо мертвящее. Учился я на «тройки» и «четвёрки» — не потому что не мог лучше, а потому что было невыносимо скучно. Слово «надо» в моём детстве звучало гораздо чаще, чем слово «зачем». А любой ребёнок, которому не объясняют «зачем», рано или поздно находит собственный ответ — и не факт, что этот ответ понравится взрослым.

Мой ответ выглядел так: в подростковом возрасте я перестал разговаривать с родителями и начал разговаривать с теми, кто был готов слушать. Компания, в которой я оказался, не учила саморазвитию — она учила курить в подъезде, спорить до хрипоты и мечтать о сцене. В шестнадцать лет я собрал свою первую рок-группу — громкую, злую и абсолютно уверенную в собственной гениальности, как и полагается любой подростковой рок-группе на планете Земля. Название мы выбрали дерзкое, звучащее «по-западному» — и по злой иронии судьбы оно перекликалось с термином «скулшутинг», о значении которого я тогда не имел ни малейшего понятия. Мне просто нравилось, как это звучит. Запретно. Взросло.

Именно тогда, кстати, я впервые — интуитивно, без всякой теории — нащупал мысль, которая потом станет одной из центральных в этой книге. Злость — это язык. Не патология, а именно язык, на котором говорят, когда не находят другого способа быть услышанным. Наша «грязная музыка» была моей терапией, хотя ни я, ни мои друзья по группе тогда и близко не понимали этого слова. Дальше была долгая история — возможно, достойная отдельных мему-

аров, если однажды судьба решит, что мне есть чем гордиться публично. Но для этой книги важен один конкретный поворот: в какой-то момент я остановился. Поступил на психологический факультет. И увидел — уже трезво, без подростковой романтики — что за каждым актом чудовищной агрессии почти никогда не стоит инопланетный монстр. За ним стоит человек, которому в какой-то момент жизни не оставили права быть просто слабым, растерянным, нуждающимся в помощи — без того, чтобы это было опасно, стыдно или наказуемо. С этого момента я стал слышать слово «скулшутинг» иначе. Не как заголовок из ленты новостей. А как отчаянный, чудовищно искажённый крик системы — системы, в которой ребёнок в какой-то момент превращается в оружие против собственного, годами копившегося молчания.

Переломным моментом для меня стала стрельба в Керченском политехническом колледже. До этого тема казалась мне чужой, американской — то, что случается «где-то там», в другом мире, с другими правилами. А потом это случилось здесь. И слово, которое раньше можно было листать мимо в новостной ленте, вдруг стало личным. Я начал изучать эту тему как любитель. Статьи, интервью, документальные хроники, форумы. И довольно быстро понял одну вещь, которая изменила для меня всё. За каждым случаем стояла боль, которой просто не нашли правильного применения. Не оправдание, а применение. Боль, которая рано или поздно куда-то денется. Вопрос лишь в том, во что она превратится.

Именно тогда, кажется, и началась дорога к книге, которую вы сейчас держите в руках. В какой-то момент до меня дошло, что истории школьных расстрелов в России перестали быть исключением из правил. Они стали закономерностью, которую мы упорно продолжаем называть исключением — потому что признать закономерность страшнее. Я начал ездить по школам и колледжам, разговаривать с подростками — не с трибуны, а на их языке, потому что я сам не так давно из этого возраста вышел и ещё помнил, каково это, когда с тобой говорят свысока. Мне казалось, что, если объяснить боль, ей не нужно будет становиться оружием. А потом, уже получив психологическое образование, я взялся за эту тему всерьёз — как специалист, ищущий не сенсацию, а хоть какое-то подобие лекарства от болезни, о которой думал слишком много, чтобы просто отпустить её. Я говорил с выжившими. С родителями погибших. А потом — и это оказалось самым тяжёлым — с родственниками тех, кто стрелял. В их голосах не было попыток оправдаться. Была только боль — тяжёлая, придавленная, почти стыдливая, как будто у них не было даже права её испытывать. Каждый такой разговор оставлял след, похожий на ожог. Я записывал интервью на диктофон телефона и потом неделями не мог заставить себя их переслушать. Мне начали сниться школьные коридоры — с тем самым фантомным запахом металла, который описывали мне выжившие, с криками, которых я никогда не слышал вживую, но которые почему-то звучали в моей голове совершенно отчётливо. Я исследовал не статистику. Я касался живой, до сих пор кровоточащей ткани чужого горя — и в какой-то момент она начала кровоточить и во мне.

Депрессия подкралась незаметно, как это обычно и бывает. Я обратился к знакомому психиатру — и получил подтверждение тому, что смутно подозревал уже несколько месяцев. На время лечения писать стало физически невозможно, ведь каждая новая строчка требовала возвращаться туда, откуда организм как раз пытался меня вывести. Но, как ни странно, именно в этой паузе книга стала складываться по-настоящему — уже не как исследовательский проект, а как попытка удержаться, сохранить в себе способность оставаться живым человеком, а не только сборщиком чужих трагедий. Но это отдельная история, и, может быть, я расскажу её когда-нибудь в другой раз.

Хочу сразу, честно, без красивых обещаний на обложке, разочаровать вас, что лекарства от скулшутинга я не нашёл. Не существует формулы, которая стирает ненависть или возвращает погибших. Если вы ждёте от этой книги готового рецепта — его здесь нет. Но я верю в одну простую вещь, что понимание способно остановить повторение. Не мгновенно, не гарантированно — но способно. Эта книга не спасёт мир. Возможно, она даже никого напрямую

не спасёт. Но, может быть, она хоть немного приблизит нас к тому, чтобы перестать терять своих детей — по одному, по два, по девять за раз, каждый раз с одинаковым шоком, будто это случилось впервые.

Я старался писать максимально простым, человеческим языком — без академической брони, за которой удобно прятаться от сложных вопросов. Так, чтобы прочитать и понять мог каждый: учитель, родитель, подросток, журналист, случайный человек, взявший книгу в руки просто из любопытства. Потому что тема, о которой здесь идёт речь, не принадлежит одной лишь психологии или педагогике. Она принадлежит всем, кто хоть раз смотрел в глаза ребёнку — своему, чужому, ученику, соседскому мальчишке во дворе — и не находил слов. Еще хочу признаться, что эта книга не претендует на энциклопедический размах. Она рождалась не за письменным столом с расписанным по главам планом, а из кучи разрозненных записей — в блокноте, на случайных салфетках, в заметках телефона, между интервью и бессонными ночами. И, наверное, именно поэтому она получилась такой, какая есть: честной, но не идеально причёсанной. Мне важнее, чтобы она попала в руки каждого, кто работает с детьми, и стала не инструкцией, а зеркалом — чем-то, во что можно всмотреться и, может быть, впервые заметить то, что раньше ускользало.

Признаюсь еще в одном. Писать её было тяжело почти физически. Иногда мне казалось, что с каждой законченной главой я теряю какой-то кусочек себя — тот, который приходится оставлять там, среди чужих трагедий, чтобы двигаться дальше. Были дни, когда я часами сидел перед пустым экраном и не мог заставить себя написать ни строчки. И всё же — вот они, четыре части, в которые в итоге сложились мои заметки. Когда-то садоводство было моим единственным настоящим хобби, единственным способом молчать и при этом что-то делать руками. И, как дань этому увлечению, я решил взглянуть на скулшутинг так же, как когда-то разглядывал плодовые деревья на участке — слой за слоем, снизу-вверх. «Корни» расскажут о глубинных, часто невидимых причинах проблемы. «Стебли» покажут, как из обычного, ничем не примечательного подростка постепенно вырастает человек, способный на немыслимое. «Цветы» — самая тяжёлая часть книги — о том, что происходит с людьми в момент самой трагедии. И, наконец, «Плоды» — о том, что остаётся после, и о том, что каждый из нас может сделать дальше, уже сегодня, не дожидаясь следующей новости с этим страшным сочетанием слов.

Я не знаю, спасёт ли эта книга хоть одну жизнь. Честно — не знаю. Но если хотя бы один человек, дочитав её до конца, в следующий раз захочет услышать и понять — вместо того чтобы сразу судить, — значит, все эти бессонные ночи, весь этот ожог от чужих историй были не напрасны.

С уважением,
ваш автор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.